

правительствами, одними правительствами совершенно независимо от выгод народов, которым война, даже если она успешна, всегда вредна". — „Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума и совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм. — Патриотизм есть рабство“.

„Страшно сказать“, прибавляет Толстой: „но нет и не было такого совокупного насилия одних людей над другими, которое не производилось бы во имя патриотизма. Во имя патриотизма воевали русские с французами, французы с русскими, и во имя же патриотизма теперь *) готовятся русские с французами воевать против немцев, и во имя патриотизма готовятся теперь немцы воевать на два фронта. Но не только войны, — во имя патриотизма русские душат поляков и немцы — славян; во имя патриотизма коммунары убивали версальцев и версальцы — коммунаров“.

Но как же достигнуть прекращения такого состояния, при котором война является неизбежностью, как противодействовать наступлению войн, как сделать вообще, чтобы войны совсем и никогда не существовало и чтобы самое вопиющее из противоречий между сознанием и жизнью современного человека было навсегда устранено. Первое, что здесь прежде всего предлагается и о чем усиленно хлопочут разные собирающиеся конгрессы мира — это чтобы отдельные государства

*) Цитируемая мной статья была написана в 1894 г. после до-стопамятных франко-русских празднеств и внезапно объявившейся дружбы русских с французами. К. В.